

*
КНИЖНЫЙ ШКАФ

Елена Пестерева. Сто бед и десять историй.
Заметки

Елена Пестерева

СТО БЕД И ДЕСЯТЬ ИСТОРИЙ

Пережившие темный декабрь в эту зиму уже не умрут. Новогодне-рождественский обзор получился во многом про витальность и чуть-чуть про чудеса. Про турецкий кефир и колодезную воду, про маринованные югославские помидоры и французские устрицы, про английский терновый джин и русский камамбер, ощущение божественного присутствия и последовательную логичную аргументацию в разговорах о религии — словом, про все, что мы так любим.

Нобелевскую премию 2006 года комитет присуждал **Орхану Памуку** с формулировкой «он ищет меланхолическое лицо своего города». Город — главный герой, море воспоминаний и общая меланхолия повествования роднят его с Модigliano, но интонационно Памук светлее, мягче и теплее, и ведущий конфликт его прозы — сочетание Азии и Европы в Стамбуле, их противостояние и единство.

Стамбул Памука — город, переживший грандиозный расцвет в период Османской империи и последовавший закат. Город, который пытается разом стать европейским и сохранить черты прекрасной древности. Стамбул был и фоном для семейных драм в «Джевдете-бее и его сыновьях» (1982), и основой автобиографических историй в книге «Стамбул. Город воспоминаний» (2003). В романе «**Мои странные мысли**»¹ через 50-летнюю историю семьи торговца Мевлюта тоже просвечивает история города. В мире начинаются и кончаются войны и революции, принимаются конституции, рушатся стены и страны, взрываются атомные электростанции, строятся мосты через Босфор, Турция занимает ту или иную позицию в мировом сообществе, лицо Стамбула год за годом меняется, а деревенский парень Мевлют Караташ выходит по утрам из дома с поклажей — йогуртом, пловом, мороженым сладкой густой бузой², — ходит по улицам, выкрикивая: «Буза! Плов! Буза!»

Герой «**Рыжеволосой женщины**»³ Джем-бей — подмастерье. Он и его мастер Махмуд-уста копают колодец вдали от Стамбула, в Онгёре-

¹Орхан Памук. Мои странные мысли. Перевод с турецкого Аполлинии Аврутиной. М.: Азбука, 2016, 576 с.

²Слабоалкогольный напиток на основе злаковой муки.

³Орхан Памук. Рыжеволосая женщина. Перевод с турецкого Аполлинии Аврутиной. М.: Иностранка, 2016, 304 с.

не, но Джем-бей мечтает вернуться в столицу, поступить в университет, стать писателем. То и дело Памук возвращается к описанию поисков воды вручную в древние времена, сакрализуя это действие и уподобляя колодезного мастера божественному оракулу. Мастер рассказывает ученику истории из Корана, а ученик мастеру — сюжеты древнегреческих трагедий, мастер заменяет ученику отца (или только хочет заменить), а ученик для мастера — живая надежда, что его ремесло не умрет. Мастер для ученика не становится, но запросто может стать коварным Рустамом, героем «Шахнаме»¹, по ошибке убившим своего сына, ученик для мастера — тоже не становится, но запросто может стать Эдипом.

Две эти линии — запада и востока — бесконечно скручиваются, выются и переплетаются в поле истории, литературы, этики, культуры, экономики, организации труда (роман затрагивает эти темы поочередно), но ни о каком синтезе и речи не идет. Две самостоятельные нити, ткущие общий узор. Есть легенда о мусульманских ткачихах, сознательно допускающих ошибку в узоре, чтобы заранее смирить свою гордыню и ни в коем случае не соревноваться с Аллахом в совершенстве своего творения. И ее европейское осмысление, увидевшее буйное цветение гордыни в самой необходимости сознательной ошибки. Роман — и жизнь героя — кончаются, когда он допускает осознанную ошибку: остается в месте и компании, где совершенно точно ему опасно и не следует быть. И где на его голову находится его личный одержимый мусульманской идеей эдип.

Субъективно кажется, что «Рыжеволосая женщина» — лучшее, что Памук вообще написал: к нежному, медлительному стилю, к суховатому пересказу истории любви, к осмыслению места Стамбула в Турции, а Турции — в мире, добавилась динамика полудетективной линии: с самого начала у нас есть убийца, но не ясно, есть ли убийство. Памука всегда было очень приятно читать. Но «Рыжеволосую женщину» читать еще и увлекательно.

Энтони Дорр — американский писатель, уроженец Огайо, лауреат множества профессиональных наград. Сентиментальный роман «**Весь невидимый нам свет**»² получил Пулитцеровскую премию 2015 года — и его сразу же перевели на русский. И сразу же разругали читатели (не критики, а люди, которые оставляют отзывы на сайтах типа Озон.ру и Лабиринт.ру), оскорбленные тем, что Дорр воспекает освободительный подвиг американской армии во Второй мировой войне. Но роман не про американскую армию.

¹ Национальный иранский эпос, поэма, написанная Фирдоуси в 999 году.

²Энтони Дорр. Весь невидимый нам свет. Перевод с английского Екатерины Дობрохотовой-Майковой. М.: Азбука, 2015, 592 с.

Одна слепая французская девочка, Мари-Лора Леблан, переезжает с папой в Сан-Мало из оккупированного Парижа. Она любит море, ракушки, приключения и путешествия — и готова проводить на берегу сколько угодно времени, так что в Сан-Мало ей нравится. Один немецкий сирота, маленький гений радиоэлектроники Вернер Пфенниг, мечтает любой ценой выбраться из шахтерского городишки, попасть в Берлин и заниматься настоящей наукой. Их жизни могли бы сложиться счастливо, почему бы и нет. Но сложилось иначе. Вокруг Мари-Лоры война, голод, оккупация, одиночество, слепота, жестокость окружающего мира — и почти что волшебная сказка о французском Сопротивлении калек, стариков, детей и женщин. И о классической музыке, романах Жюль Верна и ракушках на морском берегу как способе выжить. В параллельном сюжете Вернер Пфенниг поступает в гитлерюгенд и долго сомневается в верности своего выбора. Когда, уже на фронте, становится ясно, что выбор никуда не годится — он крутит ручки радионастройки и старается не думать, сколько жизней унесет его точный пеленг и не слишком ли дорого встала ему его мечта. Мари-Лора ошупью налаживает передатчик на своем чердаке и передает миру радиogramмы Сопротивления. Вернер узнает частоты, потому что его первый детский рукотворный приемник ловил на них чтение детских книг и концерты классической музыки, и делает вид, что не может определить местоположение передатчика.

Дорр пишет жуткие и трогательные сцены пустым газетно-репортажным языком и от этого контраста они эмоционально задевают читателя. Романов о Второй мировой за прошедшие два-три года было несколько, а о Первой — по случаю ее столетия — переводили очень много. Но последние 100 страниц я обливалась слезами только над вымыслом Энтони Дорра.

«Люди говорили, — рассказывает Мари-Лора Вернеру, когда они, наконец, встречаются, — что я очень храбрая. Только это не храбрость. У меня не оставалось выбора. Я просыпаюсь утром и живу своей жизнью». Это основной мотив прозы Дорра: кроме «Невидимого света», он написал два сборника рассказов — «Собиратель ракушек» (2002) и «Стена памяти» (2010) — и роман «Про Грейс» (2004). Роман пока не переведен, а рассказы — да, и так или иначе они тоже про выбор жить своей жизнью изо дня в день, не отвлекаясь на всякие пустяки вроде слепоты или войны. Точнее, про то, что никакого выбора на самом деле нет. Этика Дорра простая: всё, что не «жить своей жизнью», всё — смерть. Любое насилие, предательство, измена себе, любая слабость, малодушие, поиск выгоды для его героев кончаются смертью. Прощает он только сомнения в момент выбора.

«Собиратель ракушек»¹ — дебютный сборник, про него стоит сказать еще пару слов. Он чуточку джек-лондоновский, но в нем уже есть все то, из чего построился «Весь невидимый нам свет» — героика, абсолютное восхищение жизнью и рубленные фразы. Моллюски африканского побережья (Дорр описывает их с такой страстью, будто он не историк и не писатель, а малаколог), леса Монтаны, болота Лапландии, Усамбарские горы и Танзания — восемь рассказов о сильных духом людях и дикой природе, о людях как о великой и ничтожной части природы. Они собирают ракушки, ловят рыбу, строят корабли, метут пол, моют окна, смотрят на горизонт, убегают летней ночью из дома с прекрасным шпагоглотателем, чтобы потрогать мир и прожить жизнь в полную силу. «Перекатился камешек. Шевельнулись листья. Даже облака идут маршем. А внизу сетует обложенное туманом море. Это и в самом деле целый мир, Доротея. Льющийся через край. Втягивая воздух, она пробует на вкус соленый океанский круговорот рождения и смерти».

Резюмируя, признаю: со всем пафосом и сантиментами, со всей восторженностью и лобовой витальностью Энтони Дорр — хороший писатель. Может быть, я соскучилась по линейной однозначной героической прозе.

Еще немножко рассказов, но теперь режиссерских. Семь рассказов **Эмира Кустурицы «100 бед»**² под стать его фильмам и рассыпаются на знакомые любимые кадры: банки с маринованными помидорами катятся по деревянному полу подвала, детская коляска летит под горку и не поймаешь, флаг на доме к приезду Тито висит вверх ногами, пьяный мужчина спит на закрытом клеенкой диване в недобеленной кухне, белье на веревке покрывается уличной сажой, а берега худосочной реки — мусором. Трогательно, смешно, снова трогательно — прекрасно.

Даже если папа пьет и год за годом забывает поздравить с днем рождения, родители ссорятся и болеют, детско-подростковое одиночество осознается слишком рано, чтобы с ним справиться, — Кустурица все же уверен, что все хорошо. Так твердо, что с ним за компанию верится легко, как ни с кем из сегодняшних писателей. «Любовь поворачивает жизнь к лучшему, несчастья не вечны», — прочтешь и сидишь блаженный. И возразить ведь нечего. Любовь и впрямь поворачивает жизнь к лучшему, а если не поворачивает, то не любовь. Несчастья и впрямь не вечны. То есть вечны. Но не константны.

¹Энтони Дорр. Собиратель ракушек. Перевод с английского Елены Петровой. М.: Азбука, 2015, 320 с.

²Эмир Кустурица. 100 бед. Перевод с французского Марии Брусовани. М.: Азбука, 2015, 256 с.

У Кустурицы все просто. И язык рассказов простой, и сюжеты, и конфликты. Ни детектива, ни войн, ни сложносочиненных предложений. Я бы сказала, естественный мир с естественными диалогами и сценами. Волшебство в нем неявно. Жизнь не нуждается в чудесах, она сама по себе — чудо, как мы знаем с 2004 года, когда Кустурица нам это объяснил.

Книжка в тему — гимн простым радостям, домашней магии и человеческому теплу, роман британской актрисы и писательницы **Сары Уинман «Дивная книга истин»**¹. Безусловно, роман для девочек. Но тем мальчикам, которым понравился ее дебют «Когда бог был кроликом» (а их, судя по премиям и тиражам книжки, много), — тоже понравится.

Древняя старуха Дивния Лад сидит последние 90 лет на берегу Корнуольского залива, где река впадает в море, и ждет. Случайно и не помня себя к ней попадает полуживой и полубезумный юноша, Френсис Дрейк, жертва Второй мировой войны, несчастной любви и излишнего остроумия родителей, давших ему такое имя. Рассказывая друг другу свои судьбы, они восстанавливают недостающие фрагменты истории. Дрейк узнает необходимое о своем отце и вере, а Дивния — о своей матери и возлюбленном. Две сюжетные линии сливаются, текст несет, как река, хеппи-энд баюкает, как море. Водные метафоры уместны — этот роман сделан из ракушек, устриц, приливов, древнего искусства ловить рыбу, собирать травы, печь хлеб. Тайна и сказка, мелькавшие где-то в глубине «Когда бог был кроликом», тут будут на поверхности: Дивния Лад — дочь русалки, пророчица, целительница, отшельница, видит чужие сны и живет в цыганском фургоне. К финалу эти волшебства условной архаики оказываются куда более земными, но романтизированными мировой литературой донельзя: пиратство, работорговля, терновый джин и большая любовь.

В отечественной прозе тоже есть радости жизни — правда, только в малой. Большого романа о том, как нам казалось, что мы одиноки, нелюбимы, стары и беспомощны, как нам казалось, что все плохо и от физических ран и душевной боли мы вот-вот умрем, а на поверку вышло, что мы молоды, счастливы и бессмертны, никто не сочинил. Но рассказов, пронизанных если не радостью, то принятием, примирением и благодарностью — много.

На первой странице «**Секрета русского камамбера**»² **Ксения Драгунская** говорит: «Хочу стать автором книжки для чтения с ябло-

¹Сара Уинман. Дивная книга истин. Перевод с английского Василия Дорогокупли. М.: Азбука, 2016, 352 с.

²Ксения Драгунская. Секрет русского камамбера. М.: Редакция Елены Шубиной, 2015, 352 с.

ком и пледом в летний дождливый день», — на последней, о своих героях и читателей: «Я вообще хочу, чтобы у них всё было хорошо. Заслужили. Намучились». Вот и я, знаете, хочу того же. Чтобы у меня были яблоко, плед и все хорошо. С дождливым летним днем ничего не вышло, а со всем остальным, к счастью, да, вышло. Я хочу, чтобы пледов и яблок хватало даже тем, кто не мучился, кто заслужил их талантом жить немученической человеческой жизнью.

Рассказы Драгунской населяет сотня разрозненных, с непрослеживающимися параллелями персонажей. Московские соседи, знакомые и коллеги перемешаны с чикагскими, как монетки в кошельке, время 2010-х может метнуться в 80-е и обратно внутри одного абзаца, юмор, обнимающий и нежный, может оказаться черным, а то и вовсе не юмором. Вот в приведенной выше цитате слышна ирония над намучившимися, но ирония очень домашняя. Герои вошедшей в сборник маленькой комедии о русском камамбере тоже без всяких причин страдают необъяснимой русской тоской, но автор не сердится — умиляется и дразнит.

Со сходной иронией, но злее и жестче, написаны **«Мальчик, дяденька и я»**¹ **Дениса Драгунского** — любовные истории со сквозным сюжетом исповеди самому себе. «Не притворяйся. И не ври себе. Себе, главное, не ври», — говорит дяденька Денис Викторович писателю Денису Драгунскому. Денис Драгунский старается рассказывать честно мальчику Денису и дяденьке Денису Викторовичу, как прошло его детство, юность, молодость, жизнь и любовь. Особенно любовь. «Вас послушать, так вся ваша жизнь состояла из сплошных любовных приключений», — говорит Мальчик. Судя по книжке — да, из любовных приключений, Риги и янтарного побережья. Влюбленность, длившаяся три часа, вызывает рассуждения на много лет и страниц, а два мучительных года с Кирой, полных напрасных надежд и унижений, укладываются в три фразы. Дяденька и Мальчик все время перебивают, поправляют, стыдят и ругают писателя Дениса Драгунского, но не покидают его. Договориться со своим Ребенком и Родителем Драгунский не пытается, и долгий спор венчается гротескной мужской дракой альтер-эго. А ощущение все равно такое, будто читал благодарную исповедь о счастливой жизни.

«Десять историй о любви»² **Андрея Геласимова** неожиданно не про любви самого Геласимова и устройством композиции больше похожи на «Рыжеволосую женщину» Памука. Рецепт такой: взять классический семейный сюжет, перенести действие в наше время и ошеломляюще изменить финал. В «Филомене» прелюбодея Гуляева,

¹ Денис Драгунский. Мальчик, дяденька и я. М.: Редакция Елены Шубиной, 2016, 320 с.

² Андрей Геласимов. Десять историй о любви. М.: Эксмо, 2015, 288 с.

Теряя наших дней, настагает возмездие; банкиру Виктору из «Хомы» хватает силы духа и любви, чтобы доделать работу своего неудачливого предшественника и спасти прекрасную панночку из лап зла; в «Семейном случае» Александру-Гамлету является тень отца и просит кровной мести, но довольствуется одной сыновьей любовью. Десять убедительных историй про то, что наследовать устойчивый, из поколение в поколение передаваемый паттерн несчастья не обязательно. Если вдруг вам кажется, что это мелко — давайте вернемся к Драгунской, к абзацу о пледике, яблоке и прочем условном крыжовнике. Все эти радости только для тех, кто уже вполне намучился.

В поле нон-фикшн функцию жизнеутверждения для меня выполняют книжки философов: от них утихают экзистенциальные кризисы и проясняется картина мира. Так что подборка нон-фикшн будет философской.

Первое, о чем хотелось бы сказать, — об «**Утке, стоящей на одной ноге на берегу философии**»¹. Это опубликованная электронная переписка звезды московского андеграунда, концептуального художника Виктора Пивоварова с философом, эссеистом, журналистом радио «Свобода» Ольгой Серебряной. Переписка личная, не предполагавшаяся к публикации, коротко касающаяся мелких частных вроде отъездов, посылок и звонков, воспоминаний юности и смешных бытовых случаев, но преимущественно — вопросов философии и искусства. Фигура Пивоварова всем известна и дорога, и, насколько я могу судить, ориентируясь по предпочтениям своих знакомых, книжкой интересовались как раз из-за него.

Для меня же истинную ценность представляют именно письма Серебряной. «Утка...» досталась мне, когда я (останемся уж в терминологии Драгунской) страшно мучилась эндогенной тоской и никак не находила себе места под условным пледиком, а письма Серебряной вливали в меня рассуждения о смысле жизни и ее распорядке, неотвратимости смерти и случайных заработках, воле и выборе: «Если думать о мотивах Достоевского... в терминах моральной философии Канта, то Родион Романович предстает как сплошная ошибка»; «повседневные ритуалы — первое, что вычленяется из традиционных религий и легко рационализируется человеком нецерковным. Ритуалы необходимы, чтобы иметь возможность “жить по-настоящему”». И, наконец, о личном опыте чтения Чехова (самого атеистического русского писателя) и сопряженном с этим чтением переживании божественного присутствия: «вдруг в единый момент куда-то исчезла вся моя предыдущая тягостная

¹Ольга Серебряная, Виктор Пивоваров. Утка, стоящая на одной ноге на берегу философии. М.: НЛО, 2014, 320 с.

жизнь, <...> исчез вечный вопрос «на что жить дальше», исчезло недовольство собой, исчезли даже тараканы. Жизнь представилась мне радостной, прекрасной, глубоко осмысленной. Я возликовала, почувствовала, что вернулась к себе и что с этого момента incipit vita nova». Да-да. Вот-вот. От чтения «Утки...» со мной случилось что-то похожее.

Двухтомник **Александра Пятигорского** — это создававшиеся для эфира «Свободы» пространственные монологи о философии, нашедшие, наконец, своего издателя. Конечно же, в импровизационном устном жанре лекции Пятигорский лучше, но и напечатанный **«Свободный философ Пятигорский»**¹ не имеет ничего общего с нудным вузовским учебником. Вот смотрите. Французский философ Марсель, развивая идеи метафизики Канта, вводит понятие надежды: «Надежда для души то же, что дыхание для живого существа, — говорит Марсель. — Где нет надежды, там душа высыхает, превращаясь в функцию». Пятигорский комментирует так: «И тогда она становится объектом исследования психолога, а если дело пойдет совсем плохо, то и психиатра». Пятигорский — певец человечности и вдохновенный оратор, и это слышно даже при чтении с листа: «При любом рассмотрении любой индивид является нам как внешнее: то есть как существо, лишенное внутренних духовных ценностей, как “Я” без души. И никакое знание здесь не поможет, пока оно будет знанием без любви и без сострадания. И это совсем не тот гуманизм, не та безбожная человечность, посредством которой мы пытаемся помочь человеку, поняв условия его существования, часто помогая этим его слабостям, ошибкам и даже преступлениям. Надо понять уникальность человека как души, а не как обособленного индивида, живущего в мире обстоятельств и условий. А душа — не своя и не чужая — не является посторонним объектом, о котором можно сказать, что она есть здесь и сейчас и сколько их в этом месте и в это время. Только внутренний опыт души даст ей силу знать, что происходит с ней самой и с душами других людей».

К душецелительным книгам, безусловно, относится труд **Курта Флаша «Почему я не христианин»**². Курт Флаш — немецкий историк средневековой философии, философ и теолог европейского масштаба известности, читавший лекции в Рурском университете. За научную прозу Флаш неоднократно удостоивался престижных премий, в т.ч. Премии Зигмунда Фрейда и Премии Ханны Арендт. Его лекции пользовались бешеной популярностью, ему писали тысячи писем с вопросами о том,

¹Александр Пятигорский. Свободный философ Пятигорский. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015, тт. 1, 2, 320 с., 496 с.

²Курт Флаш. Почему я не христианин. Перевод с немецкого Ирины Алексеевой. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016, 440 с.

где можно прочитать еще раз услышанное в аудитории, что и побудило 85-летнего Флаша написать эту работу. За три года в Германии она выдержала четыре быстро распроданных переиздания. Теперешний первый тираж на русском языке — ничтожный, 2000 экз.

Книга Флаша не о состоянии церкви (он пишет только о католицизме и протестантизме), а о самом христианском учении. Это история жизненного опыта, размышлений и исследований, духовных кризисов и открытий — очень личная, своего рода научная исповедь. Но в той же степени она «обращена вовсе не к специалистам-теологам, а к каждому, кто уверен — либо не уверен — в своей вере». И к тем — могу добавить — кто уверен в своем атеизме. Курт Флаш полагает невозможным для себя рассуждать об исламе и буддизме по причине слабого знакомства с предметом. Ощущать себя христианином не может по причинам, изложенным в книге. На европейской части континента людей со сходными проблемами множество, так что книга Флаша — необходимый разговор на эту тему, ведущийся, к счастью, с исключительным тактом и дающий куда более полное и точное представление о христианстве, чем труды теологов.

Напоследок — философский текст, чрезвычайно популярный после фильма «Матрица» и десятилетиями живший в рунете в переводе О. А. Печенкиной. Теперь **«Симулякры и симуляции»¹ Жана Бодрийера** изданы книгой в переводе Алексея Качалова. Бодрийяр цитирует Экклезиаста и объясняет базовую концепцию современной европейской философии, концепцию семиотического знака, существующего только как знак и не имеющего аналога в реальности: «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина». Ничего нового о присутствии означающего и о полном отсутствии означаемого трактат 35-летней давности не откроет, но поставить его книжечкой на полку — приятно.

¹Жан Бодрийяр. Симулякры и симуляции. Перевод с французского Алексея Качалова. М.: Постум, 2015, 240 с.